
Электронные оригиналы находятся здесь: [In Folio: электронная библиотека](#)
и здесь: [Библиотека. Леонид Андреев.](#)

Русский человек и знаменитость

Повсеместно предается анафеме Максим Горький. Пожалованный публикой в свои любимцы, он не сумел оценить этой высокой чести, и когда в один прекрасный вечер его пришилили, как бабочку, для надлежащего рассмотрения, - он заворочался на проволоке и жестоко оскорбил этим неприличным движением снисходительных зрителей.

Пришилилен он был на одну проволоку с Ант. П. Чеховым, и произошло это в стенах "Художественного" театра, где оба писателя присутствовали в течение нескольких вечеров подряд. Есть основание думать, что пришлили они в театр за тем, за чем ходят туда и другие, - смотреть, но в действительности они сами подверглись операции рассматривания, и притом операции в достаточно жестокой и грубой форме. Толпа любопытствующих "почитателей" плотным кольцом окружила их и старательно следовала за ними: направо - направо, налево - налево, в буфет - в буфет. В буфете они садятся пить чай - и почитатели с жадным любопытством смотрят в рот, вдумываясь в смысл каждого движения рук и челюстей любимого писателя:

- Смотрите, Чехов сухарь взял!

- А Горький-то, Горький-то лимон давит!

Зловещим шепотом, пораженные ужасом и изумлением:

- Глотают!..

- Не может быть!

- Ей-Богу!

С восторгом:

- Подавился!

- И Чехов подавился?

- Оба подавились!

- Какие у них у обоих большие глаза.

- Но какое странное выражение!

- Господа, нельзя же так: вы мне на мозоль наступили.

- Виноват... Скажите, пожалуйста, что здесь показывают?

Давно уже прозвучал третий звонок и занавес поднят, но почитатели предпочитают смотреть, что пьет А. П. Чехов, нежели то, что он написал: "Дядю Ваню". Особый, весьма культурный род почитания, довольно распространенный. Вот тут-то М. Горький и совершил инкриминируемый поступок. Менее, по-видимому, кроткий характером, нежели А. П. Чехов, он произнес краткую, но энергичную речь, в таком виде передаваемую газетами:

"Что вы глазеете на меня? Что я - Венера Медицейская, балерина или утопленник? Я пишу рассказы; они вам, очевидно, нравятся, - очень рад этому обстоятельству. Но зачем же вы ходите за мной по следам, смотрите мне в рот, хлопаете мне?... Напишу пьесу, понравится вам, - ну и шлепайте себе на здоровье... Вот и сейчас в театре давно уже подняли занавес, идет такая чудная, высокохудожественная пьеса, а вы предпочитаете стоять в фойе и смотреть, как я с Антоном Павловичем чай пью... Стыдно, господа, стыдно..."

В самые сердца проникло слово любимого писателя, и почитатели - захлопали:

- Браво! Браво! Бис!

Не знаю, в газетах не сказано, каковы в этот момент были лица Горького и Чехова. Но мне думается, что они должны были рассмеяться: уж очень это мило, ей-Богу.

Конечно, на следующий же день "инцидент" был предан гласности и затем совершил круговой рейс по всем газетам с добавлением различных комментариев. Последние, как это водится, гораздо интереснее самого "инцидента".

Характернее всего было письмо "из публики" (то есть одного из тех, кому М. Горький сказал: "стыдно"), помещенное в "Новом времени". Отнесясь с